

Соня Дивицкая
ЖЕНСКИЕ ТРАГЕДИИ

18+

СОВЕТСКИЙ
ПЛОМБИР

Соня Дивицкая
Советский пломбир
Серия «Женские трагедии», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70109830

SelfPub; 2024

Аннотация

Советский пломбир – веселый рассказ из сборника "Истеричка". Кубань, семейная пара за сорок, муж загулял... И это очень вдохновило задорную кладовщицу хладокомбината. На что? Узнаете из этой маленькой семейной комедии. Рассказ публикуется бесплатно.

Соня Дивицкая

Советский пломбир

Всю жизнь Любовь Петровна просидела в холодильнике. Разумеется, это был не простой домашний холодильник, она бы туда со своими кубанскими габаритами и не влезла, это был промышленный холодильник-склад. Лежали в этом холодильнике три тонны пломбира, и холодильник тот был на хозяйстве у комбината мороженого «Кубань-холод».

Любовь Петровна работала в холодильнике лет двадцать, из-за этого по ночам ей снился пломбир. Закрывала она глаза и видела конвейерную ленту, а на ней стаканчики, стаканчики, стаканчики бегут, и брикеты, брикеты, брикеты с вафлями обливаются глазурью. И так почти каждую ночь.

Иногда Любовь Петровна вскакивала с кровати и шлепала на кухню к банке помидоров. Дюже сладкие были сны, хотелось перебить соленьким. Но от мороженца ее не воротило, дома она его не ела, а на работе нет-нет возьмет и слопает какую-нибудь некондицию.

В этом холодильнике всегда было минус восемнадцать, заходить туда полагалось в ватной фуфайке и в теплых сапогах. Но это если надолго. А если на минутку-две, Любовь Петровна не одевалась. Прощмыгнет в одном халате, глянет, что там у нее на остаточках – и назад в каптерку. Ни разу

не простудилась. Здоровьице у нее было крепкое, кубанское. И даже Славик-грузчик, хлопец молодой и шустрый, ей частенько говорил:

– Шо вы мне ноете за свое сердце? Вас, Любовь Петровна, об дорогу не разобьешь.

– Ой, Славик, и не поверишь, – она любила покряхтеть. – В субботу чуть инфаркт не случился. Поехали мы на море с палатками...

– В ваши годы? С палатками! Когда вы уже прекратите свою экономию?

Она рассматривала в зеркало свежую химическую завивку и немножко приглаживала на макушке.

– Да... Жарковато было, жарковато... Вот меня и прихватило.

– Шашлыки то жарили? – по-кошачьему улыбался Славик.

– Жарили.

– Обожрались опять, наверно?

– Два шампурика... Грамм по триста... – Любовь Петровна виновато опускала глаза. – С пирожками.

– И водочки...

– Ой, было, было...

– Пивком не шлифовали?

– Немножко, – она засмушалась. – Один стаканчик.

– И от жары вам стало плохо.

– Ой, плохо! Мой аж скорую вызывать собрался. «Люба,

не умирай! Люба, я за руль не сяду, дотерпи до хаты».

– Жара, все жара... – посмеивался Славик. – Сорок два сегодня обещали.

Так оно и было в тот страшный день. В холодильнике -18 – на улице +42.

В самый разгар горячего кубанского лета Любовь Петровна катилась по раскаленному асфальту колом, подтягивая шлепанцы, чтоб не соскочили. Подошвы клеились к расплавленной смоле, и за Любовь Петровной оставались четкие следы тяжелых ножек: круглый нос и каблучок, круглый нос и каблучок...

На комбинате мороженого был обеденный перерыв. Все попрятались: кто в столовую, кто в каптерки. Девчонки из цеха жарили вафельные стаканчики на сливочном масле, а Любовь Петровна бежала в холодильник, укрываясь от пекла пачкой накладных.

Она вошла за тяжелую железную дверь без всякого ватника и там, в холоде и полумраке, достала из кармана... Ох! Что она достала... Любовь Петровна достала из кармана детские резиновые прыгалки. Да, обычную скакалку она вытащила и – гоп, гоп, гоп! – запрыгала через веревочку.

Уже целый месяц она прыгала на скакалке во время обеденного перерыва. Прыгала и не обедала. И, более того, не ужинала. Только завтракала ячменным зернышком и брала с собой на перекус пару яблок. И никто об этом не знал, только Славик-грузчик. Он ее и приучил к большому спорту.

Обедали они как-то копченой грудиночкой, думали-думали, как Любовь Петровне побыстрее согнать килограммов хотя бы двадцать, и Славик вспомнил юношескую секцию по боксу.

– Скакалка, Любовь Петровна, – самый дешевый тренажер. За три рубля купила, положила в сумочку – и давай. Все боксеры так тренируются. Только никакой грудинки! За сало забудьте!

На дешевизну Любовь Петровна повелась. Обрадовалась сначала:

– А то чего ж я бегаю к соседке? Она всему району клипсы на ухо ставит. Чтоб аппетит послабже. То ж я и смотрю, что ж она сама-то со своими клипсами центнер весит? А берет пятьсот рублей за штуку! И каждую неделю к ней ходи...

Любовь Петровна запрыгала. Да так резво... Сто раз отсчитает – отдохнет, еще сотню напрыгает – подышит. Чудное было зрелище: щеки, попа и грудь подпрыгивали вместе с Любовью Петровной, но прищемлялись чуть позже. Славик хохотал поначалу, но секрет никому не выдавал. Откроет дверь, сунет нос в холодильник и спрашивает:

– Ну что, Любовь Петровна, сколько сегодня напрыгала? Пять минут? Маловато. Дожимай до десяти.

– Как дожимать-то, Славик? – задыхалась Любовь Петровна. – Сил нет!

– Вот как пирожки ела, так и дожимай.

– У меня же ж возраст...

– Да шо вы мне за возраст!

– А ты-то сам попробуй!

– Да шо вы мне «попробуй»! Чи я вам Хиддинг? Дожимай, Любовь Петровна, дожимай!

Так и дожала за месяц до тридцати минут на скакалке.

В тот памятный паленый день Любовь Петровна отпрыгала половину нормы. Вспотела в холодильнике! Что ей были эти -18? Еще лучше для темпа. Она заметила, что сегодня ей скачетя легче, и ножки не так сильно болят, как в первые дни, и весы показали -15 килограммов. За месяц!

Любовь Петровна решила поднажать еще и снова взяла скакалку. Когда она прыгала, на склад зашел Славик-грузчик. Как всегда, подбодрил:

– Не стынь, Любовь Петровна, не стынь! Куда накладные задевала?

– Вон на ящиках, – она кивнула, не сбавляя оборотов. – Ты обедал, Славик?

– Не отвлекайтесь, Любовь Петровна. Не мечтайте за жратву!

– Ты б хоть обулся! – пыхтела Любовь Петровна. – Что ж ты в шлепках?

– Да ладно, – Славик протянул, как всегда, немножко в нос. – Да ладно. Быстрее буду бегать.

Он накинул на голые плечи телогрейку, взял накладные и пошел по стеллажам собирать заказ для маленького магазина «Кубань-ларек». А Любовь Петровна прыгала.

Она выходила на финиш, когда у нее зазвонил телефон. Любовь Петровна взглянула на входящий, отдышалась немножко и шепотом ответила:

– Да...

И еще раз погромче, с готовностью к присяге:

– Да!

И еще решительнее, со злостью:

– Да! Еду!

Смотала прыгалки – и бегом на проходную. Раньше она выходила через вертушку боком, но в тот тяжелый день спокойно проскочила по ширине.

У ворот комбината «Кубань-холод» она взяла такси и в машине позвонила, чтобы еще раз уточнить:

– Там он?

– Там, – ей сказали. – Там.

Оглядывая забитую дорогу, она прикинула, за сколько доберется из промзоны – от электростанции «Кубань-тепло» до автоцентра «Кубань-Мерседес».

– Минут через пятнадцать буду! – она пообещала в трубку, чуть повизгивая в конце фразы.

Любовь Петровна проезжала оптовые базы и автоматически читала знакомые вывески: «Кубань-овощи», «Кубань-фрукты», «Кубань-цемент», «Кубань-абсент», «Кубань-зерно», «Кубань-бройлер»... Она ждала, когда водитель вывернет в город к банку «Кубань-кредит». В глазах рябило, голова кружилась, но нет, не вывески ее беспокоили.

На Кубани все вывески одинаковые, народ, к пустым фантазиям не склонный, все называет просто – «Кубань». Даже сыр французский с белой плесенью казаки окрестили по-своему: «Кубань-плезир». Так что вывески тут были ни при чём. Голова у Любовь Петровны закружилась по другому поводу. Она боялась не успеть. И успеть тоже боялась. Целый месяц она готовилась поймать с поличным своего мужа на квартире у любовницы, и вот сегодня агентура подала сигнал.

Зачем ей это было нужно? Тащиться по жаре? Ловить родного мужа за невинным развлечением? К чему такие глупости? Абсолютно ни к чему. Она и сама говорила Славик-грузчику: «Лучше б я не знала ничего. Уж как спала спокойно, как спала... А то ж узнала – в душе все всколыхнулось. Все всколыхнулось разом!»

Сгубило, как всегда, пустое любопытство. Месяц назад пришла Любовь Петровна на работу, а Славик ей и говорит:

– Ну наконец-то! Я не пойму, вы с Тлюстенхабля, что ли, добирались? У нас ревизия!

– Ох, что ж мне делать? – испугалась Любовь Петровна. – У меня ж какао двести кил заныкано.

– Открывайте скорее, что вы с ключами стоите копаетесь? Бегом! Сейчас я вам исправлю отчетность.

Пока контролеры проверяли соседний холодильник, Славик с Любовью Петровной высыпали в канализационную решетку четыре мешка какао. Славик поднимал мешки, Лю-

бовь Петровна веничком сметала. Когда пришла ревизия, у Любовь Петровны никакого левака не было. И все благоухало шоколадом.

Двери опечатали, Любовь Петровна по правилам сидела вместе со Славиком в каптерке. Она припоминала свои мелкие нычки на верхних стеллажах. И хотя ящик сливочного масла был не преступлением, а мелким нарушением складского учета, ее подкидывало в жар. Не от страха, от возмущения.

– Ото ж они считают! – злилась она на контролеров. – Не дай бог я чего запрятала. А как москалям комбинат продавали, что ж никто не вспоминает? Ты-то пришел к нам уже? Или нет? Когда инженера главного застрелили? Нет, Славик, тебя не было, ты еще в школу ходил. А он уперся, акции свои москалям не отдавал, его и чпокнули моментом. Потом до директора – объявляй банкротство. Он в цех выходит: «Люди, шо делать не знаю. Хоть мороженым зарплату выдавай. А кто не хочет – увольняйтесь. Денег нет». Народ на кипиш, у нас же ж молчать не станут. «Каким мороженым! Оно же ж тает?» Покидали заявления... А мой сказал: «Молчи. Бери пломбиром».

– И че вы с тем пломбиром? – удивился Славик.

– Че! Мы машину грузим, полный багажник – и на море.

– Не тает?

– Нич-че у нас не тает, все в одеялах. До Джубги везем, там малые наши по пляжу ходят: «Морожено! Кубанское мо-

рожено!» А мы с Димком пивка откроем по бутылочке и загоряем.

– Жучок ваш Димок...

– Да, – Любовь Петровна посерьезнела и гордо, преданно, как в детстве про дедушку Ленина, сказала про мужа. – Вперед смотрел! Ох, как вперед смотрел! На «девяносто девятую» насобирали. Это когда еще было! А сейчас иномарку брать хочет.

– Какую иномарку? – Славик спросил, он тоже собирался поменять свою развалюшку.

– Да чи «Тойоту», чи «Опель», я в них не понимаю. Не хай какая тачка, лишь бы налево не ездила.

– Какое лево! – Славик усмехнулся. – Вашему Димку?

Он слушал и внимательно через стекло поглядывал на контролеров. За дальним стеллажом у него был спрятан ящик с куриными окорочками, который Славик притащил из соседнего холодильника. Любовь Петровна тоже поглядывала, волновалась за свое сливочное маслице.

– Какое лево? – она сказала. – Духами стал пахнуть. Че за духи? Не знаю, мои в серванте. А у него аж брюки духами пахнут. Прямо, где ширинка, все в духах.

Славик увидел, что контролеры остановились возле его нычки. Должно быть, от волнения он и пошутил, не подумавши:

– Тогда попались вы, Любовь Петровна. Так и влетите на раздел имущества.

– Да что ты, Славик? Он же ж у меня старый. Пятьдесят лет, какой раздел имущества? Все на меня записано. Двухкомнатная старшему – на меня, однокомнатная под квартирантов – на меня, ток наша трешка на него... А дача на меня... Дача, кажись, тоже на меня.

– Та вы хоть гляньте ж телефон, кому он звонит...

– Он у него на блокировке. Я ж пароль не знаю.

– Шо вы за дерево, Любовь Петровна? – Славик потрепал ее по завитой макушке. – Смотрите! Звездочка, решетка, – он усмехнулся: – Пароль!

И ведь она не хотела! Не хотела совать свой нос в мужнины дела. А все любопытство, глупое праздное любопытство.

Любовь Петровна улучила моментик, когда Димок выпил пивка и приснул на диване, как младенец. Она взяла его телефон, посмотрела звонки и дальше, как обычно, по схеме – один и тот же номер, женский голос, «Димочек? Зая? Это ты?»

Вот тут-то все и всколыхнулось. И наались страдания. «А мать мне говорила: «Зачем он тебе нужен, дохлый?» И бабки на свадьбе пели, ведь как пели: «Мы думали, шо сваты богаты, а они убоги» ... И вот тебе на! И Димочек, и зая».

Всю ночь Любовь Петровне снился главный инженер. «Покойник! – она испугалась. – К себе зовет!» А как спалось-то раньше, как же сладко-то спалось. Но машина следствия была запущена, и Любовь Петровна загорелась тем азартным огнем, который бывает у рыбаков, когда они под-

тягивают на тонкой леске большую рыбку.

И сразу у нее прошла усталость, и лень, и мысли о здоровье, и скука душевных вечеров... Тогда-то Любовь Петровна и надумала худеть. Даже маслице с холодильника таскать перестала. «Куда мне? Морозилка вся забита». И пирожки жарить бросила. Ой, и бросила-а-а.

– Все всколыхнулось... – горевала она в первый день без обеда. – Все, все всколыхнулось.

– Поехали, Любовь Петровна, – Славик заводил погрузчик, – прокачу!

Любовь Петровна залезла на сиденье и под рокот мотора кричала Славику на ухо:

– Я ему даже лодку купила на день рождения. Хотела уют подарить, у меня уют сгорел, а тут думаю: нет, куплю своему лодку. Зарплату получила 20 июня, а 24-го все ему на лодку отдала. Пущай на рыбалку, чем к этой твари. А то ж ведь теперь каждый вечер волнуюсь. Звоню ему: «Ты где?» – «Я на работе». А как я проверю, на работе он чи на диване?

– Сидите смирно, Любовь Петровна, – Славик ей сказал. – Шо там от вас убудет?

– А вдруг она родит? И что? Делить с ним хату? А он делить надумает! А и надумает! Он же ж гад, жадоба, весь в маменьку свою.

– Отдайте ему однокомнатную, – Славик остановился у дальней стенки.

– Щаз!

– Да ладно... – он усмехнулся и полез за ящики. – Я ж шутками. Шоб ваш Димок на молодую разорился? Да я ни в жизни не поверю!

– А как узнать? То я ж не поняла по голосу...

– Наймите детектива, – Славик пошутил, ведь правда пошутил. – Чи сами. Такси берете – и за ним.

– То ж дорого.

– Та не дороже вашей хаты, – он вытащил тяжелый сверток, замотанный полиэтиленом. – Кенгурятина нужна?

– Возьму!

Славик поставил свой товарец на лаги и скомандовал:

– Садись вперед, Любовь Петровна. Дам тебе порулить.

– Ой, Славик... – она жеманно захихикала. – Да шо ты!

Я руля боюсь!

Славик подтолкнул Любовь Петровну, и она покатила. Оказалось, ничего сложного. Любовь Петровна рулила по холодильнику, и на щеках ее обширных забегал подозрительный румянец. Смекать начала прямо там, в холодильнике.

Через пару дней утром она сделала вид, что идет к остановке на вахтовый автобус, а сама взяла такси и показала на мужнину машину:

– За ним.

– Восемьсот, – сказал водитель.

– Какие восемьсот? Триста!

– А конфиденциальность?

– Ладно, – она поджала губы.

Ехать далеко не пришлось, всего один квартал, Димок запарковался у супермаркета «Кубань-еда».

В этот магазин Любовь Петровна забегала каждый день после работы и каждый раз, перед тем как войти, звонила мужу. Она всегда спрашивала: «Дим, ты хлеб купил?» Если он еще не купил, она брала буханку белого пышного, а если уже купил, не брала.

От земли знаменитой кубанской, на которой одуванчики вырастают с кошачью голову, она давно оторвалась, но к хлебу у нее осталось щепетильное крестьянское отношение. Выбрасывать рука не поднималась. Можно было выбросить прогорклое масло, можно было вышвырнуть прокисшие щи, вонючую курицу, а хлеб – нельзя. Из черствого Любовь Петровна жарила гренки. Она звала их по-кубански, с ударением на «и» – «грэнки». И чтоб не жарить, не колготиться, она звонила мужу каждый божий день в 5.30 и спрашивала: «Дим, ты хлеб купил?»

У «Кубань-еды» Димок вышел и свернул во двор. Любовь Петровна с тоской собачьей посмотрела на водителя, и он пошел за мужем, проследил.

– Четвертый подъезд, – отчитался. – В лифт уж я не стал заходить. Будем ждать?

– Сколько? – спросила Любовь Петровна.

– Пятьсот в час.

Денег было жалко, но ждать пришлось недолго. Через пол-

часа Димок вернулся к машине. С ним была женщина.

Любовь Петровна, увидев даму, просияла изумленно и с вопросом посмотрела на водителя.

– Доска, – он заценил.

– Да старая! – закачалась Любовь Петровна. – Мне ровесница! Ток худее.

– За ними! – рванул таксист.

– Сколько? – открыла кошелек Любовь Петровна.

– Договоримся!

Димок объехал квартал и высадил женщину у местного казачьего рынка. Она пошла в ряды, кокетливо оглядываясь.

– А я ж ее знаю! – встрепенулась Любовь Петровна. – Она ж в павильоне мясо продает! От я ж и думаю: все шея да шея, с чего это он начал спину брать?

И в тот решающий прожаренный денечек Любовь Петровна с прыгалками в сумочке подъехала к супермаркету «Кубань-еда», на парковке увидела машину своего мужа и понеслась к четвертому подъезду.

Двор вымер, все дети с мамками и бабками уснули, пережидая зной. Никого не было в песочнице, никто не прятался от солнца под пышными арками из красных роз, которых на Кубани валом, как говорила Любовь Петровна. И только у четвертого подъезда на лавочке сидела одна пенсионерка. На ней были смешные очки с большими желтыми стеклами, в которых она была похожа на стрекозу. Старушка читала газету или делала вид, что читает.

Любовь Петровна поздоровалась едва заметным кивком головы и присела рядом. Пенсионерка взглянула на большой кнопочный телефон и, стараясь не шевелить губами, доложила:

– Приехал без пятнадцати два. Полчаса у нее.

Любовь Петровна вытерла мокрый лоб. На лице ее полном, с этим характерным несоответствием для многих южанок тонкого носа и круглых щек, проступили красные пятна.

– Третий этаж, сорок пятая, – сквозь зубы шепнула пенсионерка.

– Помню, – также сквозь зубы ответила Любовь Петровна.

Эту бабку Любовь Петровна прикормила чайком и конфетами пару недель назад. Все это время она замечала мужнину машину на парковке у «Кубань-еды». Она звонила ему и спрашивала как обычно: «Дим, ты хлеб купил?». «Нет, не купил», – отвечал муж. «А это не твоя машина у магазина стоит?». – «Не моя. Я на работе». Димок спокойно отвирался, а Любовь Петровна приходила домой, дожидалась мужа и нюхала брюки.

– В духах! – жалилась она Славику. – Ну что ты будешь делать, в духах! И ведь отбрешется, сволочь! Ведь так и будет бегать к этой доске.

– А ну-ка! Сигайте на весы!

Любовь Петровна становилась и плаксиво повторяла:

– А у меня ж прям все всколыхнулось!

– Жучок ваш Димок... – Славик выравнивал гирьки. –

Возле дома. Рядом с работой. Все шито-крыто.

– А дуже жирно ему будет! Я еще послежу, послежу да малину-то ему перебью!

– Отбрешется, – Славик сказал и объявил Любовь Петровне вес: – Ровно центнер!

Любовь Петровна заглянула на шкалу и глазам своим не поверила:

– А ну-ка? Правда, что ли?

– Пятнадцать кил долой! – объявил Славик. – Поздравляю!

Вдохновенная успехом, Любовь Петровна придумала все сама:

– А я его поймаю! На койке с ней поймаю – не отбрешется!

– Вербуйте агентуру, – Славик снова пошутил.

Он-то пошутил, но Любовь Петровна в тот же вечер по-скакала к четвертому подъезду. А там сидела пенсионерка в желтых очках, похожая на стрекозу.

Бабулька только и ждала, когда ее наконец кто-нибудь за-вербует. Любовь Петровне даже рот открывать не пришлось.

– Вы кого-то ищите? – спросила пенсионерка.

– Да, – Любовь Петровна опустила глаза, – мужа.

– Такой сухощавый, невысокий, седой, с животиком, лицо красное, на левой руке золотая печатка?

– Да... – присела Любовь Петровна.

– Его сейчас нет, – сказала бабка. – Днем был, часа два.

Он обычно в обед заезжает в сорок пятую. Вечером у нее

дочка с работы приходит.

И тут Любовь Петровна заревела. Заревела так громко и неожиданно, что мамыши, которые гуляли с детьми, начали к ней присматриваться.

– Нас могут заметить, – сказала пенсионерка и позвала Любовь Петровну к себе.

– Уж как мы жили! – редела Любовь Петровна, пока старушка предусмотрительно закрывала форточки. – Жили-то припеваючи! И работали всегда обое. Я тут, в «Кубань-холоде», он электриком в «Кубань-тепле». Поженились аж в восемнадцать. С одной школы, с одного хутора в город поехали, подальше от этого хозяйства. Свадьбу сыграли сразу, чтобы квартиру получить. Три дня гуляли всем хутором. Мать моя поросят зарезала, свекровь бычка обещала... А как резать – дочке захавала. А нам того бычка и знать не надо! Мы и без того бычка наетые были! Он подколымит, я маслица принесу. Сыновья повырастали, обоя у нас с квартирами, машину и старшому, и малому взяли, цепок на каждом золотой висит... А выходные всеми на рыбалку, пошла она, та картошка, до Глюстенхабля. Свекровь нам звонит, а мы хаваем-си. Пушай твоя дочка тебе картошку копает. А мы на плотину. Муж со старшим в лодке, мы с младшим на бережку. А тут вот бизнес захотел. Ушел с «Кубань-тепла», открыли с кумом фирму. «Кубань-дверь», мож, слышали?

– Слышали, как же, – усмехнулась пенсионерка. – Он тут во всем доме двери ставил. И этой, в сорок пятаю.

– А лоджию? – испугалась Любовь Петровна. – Лоджия у нее, кажись, как наша...

– И лоджию, – кивнула пенсионерка. – Но вы не плачьте, я вам помогу. У меня муж был военный, у меня на такие дела глаз наметан. Я знала, что вы придете.

Они обменялись телефонами и договорились сообщать друг другу обо всех передвижениях объекта.

Шпионаж – занятие увлекательное. Пломбир уже не снился. Начались у Любовь Петровны странные видения. То парень молодой с длинной черной гривой пьет воду из колодца, то губернатор сажает вертолет у нее перед холодильником. И главное – все с обнаженными торсами.

Две недели длилась слежка, и наконец Любовь Петровна поднялась на третий этаж и позвонила в сорок пятую квартиру.

Ей не открыли. За дверью было тихо. Она пыталась разглядеть хоть что-нибудь в глазок, но в маленькую линзу ничего не было видно. Она сощурилась и приложила ухо к двери. В этот момент стекло потемнело, и кто-то за дверью тоже посмотрел на нее.

– Ах, ты сука! – вздрогнула Любовь Петровна и громко закричала: –Открывай, проститутка! Я знаю, Димок у тебя!

Ей не открыли. За дверью по-прежнему была тишина, как она ни прикладывала ухо, ей не удалось расслышать ни шагов, ни голоса.

И тут опять все всколыхнулось. В порыве огненном Лю-

бовь Петровна разбежалась и стукнулась плечом о дверь. Хотя и понимала, что ей не выбить прочную конструкцию из твердого металла с защитными блоками по периметру, которые ставила всему району маленькая фирма «Кубань-дверь».

От злости Любовь Петровна давила звонок и кричала на весь подъезд:

– Проститутка! Открывай! Обоих поубиваю! Курва старая! Любовников принимаешь!

Но после этого дверь тем более не открыли.

Любовь Петровна выбежала на улицу и звонко, с визгом, совсем не думая о конспирации, сказала пенсионерке:

– Захавались, сволочи!

– Тихо, – бабулька прикрылась газеткой. – Ждите здесь, а я поднимусь к себе и послушаю.

Ждите! Какое ждите? Любовь Петровна, в миру спокойная, ленивая женщина, уже выпустила из забытых недр своей казачьей души маленького разъяренного бычка. Отсутствие обратной связи ее взбесило. Она подбежала к балкону и стала швырять камнями в лоджию сорок пятой квартиры. Камень стукнул в стекло. Занавесочка на секунду отодвинулась и снова задернулась.

– Что, испугались?! – она закричала, не обращая внимания на редких прохожих. – Испугались Любу? Сейчас сынов позову! И малого вызову! И старшего!

На балконе второго этажа появилась дама с бигудями и вежливо попросила:

– Женщина, вы, пожалуйста, цельтесь точнее. Кидайте, пожалуйста, чуть выше, а то мы боимся за свои окна.

– Я не могу допрыгнуть! – Любовь Петровна пыхтела, запуская очередной камень.

– А вы на скамеечку поднимитесь, – посоветовала дама.

– Ага, – Любовь Петровна залезла на высокую узкую лавочку.

– Только не упадите. А то помнете нам клумбы. Я цветы каждый день поливаю.

– Хорошо, хорошо, – Любовь Петровна поднялась на цыпочки, замахнулась и разбила окошко в поганой сорок пятой квартире.

Она упала в клумбу, поправила смятые ирисы и закричала:

– Выпускай его! Шалава! Проститутка! Димок мой! И хата моя! И машина моя!

– Да что ж вы так нервничаете, – открылось окно на первом. – Вы мне внука разбудили. Да он и заезжал-то к ней нечасто. Разочка два в неделю. Да и недолго тут бывал...

Любовь Петровна снова кинулась в подъезд. Она достала из сумочки баллончик с черной краской для обуви. Она специально заготовила эту краску заранее, чтобы измазать дверь сорок пятой, как раньше на хуторе гуляющим девкам мазали ворота дегтем, Любовь Петровна еще помнила традицию.

– Осторожнее, – в приоткрытую дверь прошептал агентка. – Не испачкайте нам стену.

– Я аккуратно. Ручку ей замалюю.

– Попробуем испугать его милицией, – придумала пенсионерка, вдохнула поглубже и завизжала: – Женщина! Чего вы хулиганите! Я сейчас милицию вызову!

– Вызывайте! – звонко отвечала Любовь Петровна, подмигивая своей агентке. – У меня мужа уворовали! Пусть милиция этой твари дверь ломает!

Любовь Петровна выкрасила дверь густым слоем, но ей по-прежнему не открывали. Она устала бегать по жаре, бить кулаки и кидаться камнями. Красная, потная, она присела на лестницу и позвонила мужу на сотовый.

– Дим, – она еще не отдышалась, – ты хлеб купил?

– Нет... – муж ответил. – Не купил.

– А где ты?

– На работе, – он сказал спокойным, невозмутимым тоном.

– На работе! – вскочила Любовь Петровна. – На работе!

Она завопила не в трубку, а на весь подъезд:

– И оставайся с ней! Малым скажу: ушел к страшномордой! Живи с доской! Корми ее дочку! А мы тебя в хату не пустим! Нам такой отец не нужен!

– Дайте ребенку поспать! – крикнула соседка с первого.

– И хата моя! И дача моя! – визжала Любовь Петровна. – И двушка моя! И однокомнатная моя! Ничего у меня не отсудишь! Все на меня записано!

– Молодец, женщина! – высунулась дама в бигудях.

Любовь Петровна охрипла и замолчала. Подняла свою сумку и повернула домой, прочь из поганого подъезда. Но тут в замке сорок пятой повернулся ключ. Звякнула цепочка, отъехал засов, и Кубань-дверь открылась.

Вышел Димок. Посмотрел на жену. Завивка у нее от беготни растрепалась, поникшие щеки горели, кофтенка и полные руки были испачканы черной краской, широкая юбка с резинкой, до смерти надоевшая, делала Любовь Петровну еще больше похожей на колобок. Зато глаза у нее были как в семнадцать лет на хуторе, когда она убежала с Димком на речку.

Любовь Петровна открыла сумку, свою большую коричневую сумку, которая еще на рынке не понравилась Димку, но Люба ее купила, потому что "немаркая"... Она достала прыгалки и зашипела:

– Щас задушу твою шалаву.

"Вот жизнь, – Димок подумал, – тает, как мороженое, только успевай облизывать". Он улыбнулся и спросил жену:

– Мать, ты шо тут цирк устроила?

– Что ж твоя курва не выходит? – Любовь Петровна размотала прыгалки. – Спугалась?

– Ты что меня позоришь? – Димок наступал. – А ну пошли домой!

– Пусти! – кричала Люба. – Пусти! Я убью твою проститутку!

Димок скрутил ее прыгалками и потащил к машине зад-

ней стороной двора, Любовь Петровна упиралась, как разъяренная телушка.

– Ты как меня нашла? – шипел Димок.

– А! – кричала Любовь Петровна. – Ты думал, Люба – дура! Ты думал, я тебя не поймаю?

– Сама нашла?

– Сама!

– Да шо ты брешешь! Кто научил? Говори! Придушу эту сволочь!

– А я тебе тоже изменила! – закричала Любовь Петровна. – С кумом! Когда старшой был маленький! Тебя в командировку посылали, а кум за болгаркой приходил!

За кума Любовь Петровна получила в глаз. Димок затолкал ее в машину и повез разбираться на соседнюю улицу, за мастерские «Кубань-шина», там у него был гараж.

В салоне было тесно, душно, мощность кондиционера не была рассчитана на жаркую Любовь Петровну, но Димок клялся, клялся, клялся:

– Все твое, Люба! Все твое! И трешка твоя, и двушка, и однокомнатная!

– И дача! – загорелась Любовь Петровна.

– И дача!

– И машина?

– И машина! – застонал Димок.

– Чи еще любишь? – прижалась крепче Любовь Петровна, и Димок рухнул: – Люблю!

Он открыл дверь, но и на улице было не легче, как обещали +42, так и жарило.

– Ох, сейчас бы в холодильник, – он сказал, застегивая порванную рубашку.

– Дима! – вскочила Любовь Петровна. – Скорее! Поехали! Я Славика забыла в холодильнике!

Они приехали в "Кубань-холод» около семи вечера. Димок долго сигналил, а Любовь Петровна стучала по воротам. Охранник спал крепко.

– Меня посадят! – кричала Любовь Петровна. – У меня Славик под замком остался! В одних шлепках!

Холодильник открыли. Любовь Петровна шагнула из жаркого лета в мороз. Она испуганно посмотрела на мужа с охранником и прислушалась. В глубине ледяного склада раздавались глухие удары. Любовь Петровна вспыхнула и побежала на звук.

– Славик! – она звала. – Славик! Ты живой?

– Шо вы за дерево, Любовь Петровна, – он начал на нее ругаться. – У вас тут просрочка с девятьсот пятого года...

– Славик? – Любовь Петровна даже удивилась. – Ты не помер?

Нет, он не помер. Не замерз и даже не простудился. Все пять часов пока Любовь Петровна бегала по жаре, Славик перекидывал ящики с мороженым. Он вспомнил секцию по тяжелой атлетике и тягал пломбир, как гири. Заодно разобрал все завалы на дальних стеллажах, нашел заныканное

масло, заледеневший сахарок и ящик пломбира, который завалялся со времен Советского Союза. К сожалению, я узнала об этом слишком поздно, мне не досталось ни одного стаканчика.